

Елена Гальцова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Российский государственный гуманитарный университет
galtsova05@mail.ru

Elena Galtsova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Russian State University for the Humanities
galtsova05@mail.ru

ДЕНЬГИ И ПРОЦЕНТЫ В ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ
ЯЗЫК *ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ* Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, ЭТИКИ И ЭРОТИКИ¹

MONEY AND INTEREST IN THE FRENCH TRANSLATIONS OF
NOTES FROM THE UNDERGROUND BY F. M. DOSTOEVSKY:
QUESTIONS OF ECONOMICS, ETHICS AND EROTICISM

В статье рассматриваются переводы *Записок из подполья* на французский язык, сделанные с 1886 по 2008 гг., через призму вопросов, связанных с представлением темы денег и процента, а также этических и политических ассоциаций в тексте Достоевского. Несмотря на отсутствие «идеального» перевода повести, анализ разных переводов дает возможность увидеть, как переводчики улавливали внутренние корреляции между понятиями экономики, этики и эротики как на уровне семантики, так и поэтических созвучий.

Ключевые слова: Достоевский, *Записки из подполья*, переводы на французский, экономика, этика, эротика.

The article examines the translations of *Notes from the Underground* into French, made from 1886 to 2008, through the prism of issues related to the presentation of the topic of money and interest, as well as ethical and political associations in the text of Dostoevsky. Despite the lack of a “perfect” translation of the story, the analysis of different translations makes it possible to see how the translators caught the internal correlations between the concepts of economics, ethics and eroticism both at the level of semantics and poetic consonances.

Keywords: Dostoevsky, *Notes from the Underground*, French translations, economics, ethics, eroticism.

¹ Подготовлено в рамках работы по исследовательскому гранту РФФИ № 18-012-90044 Достоевский «“Записки из подполья” Ф. М. Достоевского и проблема “подпольного человека” в культуре Европы и Америки конца XIX — начала XXI вв.».

Тема денег² — одна из центральных в *Записках из подполья* (1864), где робкий, но решительный отказ от денег Лизы отдаленно предвещает феерическую сцену демонстративного сжигания денег Настасьей Филипповной в *Идиоте*. Именно персонаж, дающий подпольному³ деньги в долг, столоначальник Антон Антонович Сеточкин, символически связывает *Записки из подполья* и *Двойника*, придавая особую целостность вымышленному миру персонажей Достоевского — с какой-то почти мистической симметрией чисел — от 1846 к 1864 году... С самого первого упоминания о деньгах становится ясно, что они имеют для подпольного не только материальное значение: он пишет, что не брал взяток, но «вознаграждение» все равно получал, унижая просителей и получая от этого удовольствие: «Я был злой чиновник. Я был груб и находил в этом удовольствие. Ведь я взятки не брал, стало быть, должен же был себя хоть этим вознаградить» (I, 14). Тем не менее, именно деньги, причем в четко обозначенных количествах, циркулируют во всей повести, обуславливая событийную канву и в некоторой степени ее «логику»: подпольный мог бросить ненавистную службу благодаря выпавшему ему, хотя и ничтожному, но всё же наследству в 6 000 рублей⁴; денежные отношения чуть не приводят его к дуэли с приятелями (он давно должен Симонову 15 рублей, просит у него еще 6 рублей, берет в долг у упомянутого Сеточкина 15 рублей); являются источником перепалок с прислугой — Аполлоном, которому должен платить ежемесячно 7 рублей; а также напрямую участвуют в его отношениях с Лизой, за которую он платит в публичном доме 6 рублей, а потом в финальной сцене пытается заплатить 5 рублей. Эти числа повторяются в описании деталей быта — в финальной сцене с Лизой часы бьют 7 раз, столоначальник Сеточкин живет в доме, описанном крайне символично, к тому же в сопровождении слова, связанного с «экономикой»: «у Пяти углов, в четвертом этаже и в четырех комнатах, низеньких и мал мала меньше, имевших самый экономический и желтенький вид» (II, 2). Число 5 связано для подпольного еще и особым философским смыслом в провозглашенной им новой арифметике «дважды два пять».

Написанная Достоевским после его первых поездок в Европу, в настроениях острой критики по отношению к западной философии и цивилизации (в том числе и капиталистической), как это происходит, например, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» или в «Крокодиле»,

² В той или иной степени «тема денег» интересовала очень многих исследователей творчества Достоевского. Поскольку в данной статье речь идет о французских контекстах, упомянем в этой связи фундаментальный труд Ж. Катто (Catteau 1978).

³ Здесь и далее в статье мы будем называть рассказчика субстантивированным прилагательным «подпольный».

⁴ Здесь и далее мы приводим цитаты по изданию (Достоевский 2016), обозначая в скобках римскими цифрами часть и арабскими — главу повести.

⁵ О реальной стоимости денег в «Записках из подполья» см. статью Д. Бержайте и И. Киселюте (Бержайте-Киселюте 2015).

повесть *Записки из подполья* сосредотачивается на вопросе о «выгоде», причем в самых разных смыслах, как в финансовом, так и в философском и этическом. В сознании подпольного тема денег ассоциируется с мотивами мести, злобы, а во второй части повести к этим значениям добавляется еще и жестокая в моральном плане эротика. Причем моральная выгода является чем-то скорее невыгодным с чисто денежной стороны: в повести возникают эпизоды полного абстрагирования, будь то парадоксальный подсчет «дважды два пять» или тема любви и милосердия, воплощенная в образе Лизы в финальной сцене. Напомним, что подпольный думал: «И я смутно почувствовал, что она дорого мне *за всё это* заплатит» (II, 9), — что перекликается с его рассуждениями промышляющей из первой части:мышь «на смертном одре опять-таки всё припомнит, с накопившимися за всё время процентами...» (I, 3). Эти «проценты» соотносимы с рассуждениями о самой «выгодной выгоде» (она же — «упущенная выгода»⁶) которая оказывается в финале не только не полезна подпольному, но совершенно разрушительна для его души; и диалектика раба и хозяина, жертвы и палача, неоднократно осуществленная в повести, не приводят к продвижению подпольного ни в самосознании, ни в раскаянии, а лишь оставляют его один на один с дурной бесконечностью собственных морально-философских рассуждений, прерванных всезнающим автором...

Собственно финансовой терминологии в *Записках из подполья* немного (например, упоминание об акцизе и торгах в Сенате в II, 2), но через весь текст проходят лейтмотивы, связанные с так или иначе с финансовыми отношениями, они являются неотъемлемой частью дискурса. Поэтому очень важно, чтобы переводчики на иностранный язык, в нашем случае — на французский, — улавливали эти связи. Это особенно важно для понимания текста со стороны неспециалистов или неискушенных читателей, ибо, справедливости ради надо заметить, что несмотря на всё несовершенство первых переводов Достоевского на французский язык, культурная и философская рецепция его творчества отличалась богатством и разнообразием. Вместе с тем, надо отметить, что повторы слов у Достоевского не обязательно означают повтор смысла; узнавание слова зачастую связано с образованием новых смыслов, которые могут быть, в том числе и ироническими, и трудно уловимыми, скользящими.

В настоящей статье мы рассмотрим, как французские переводчики решали вопросы, связанные с представлением темы денег, долга и процента, а также этических и политических ассоциаций, связанных с ними в тексте Достоевского.

⁶ Как заметил Г. Карпи, «бесцельной циркуляции непроизводительного богатства сопутствует склонность к жестокости, к физическому и психическому насилию и к сексуальным извращениям» (Карпи 2012: 81).

Напомним, что с 1886 по 2008 годы во Франции было сделано, как минимум, 10 разных переводов, не считая исправленных переизданий. Самый первый перевод повести на иностранный язык вышел именно во Франции, под названием *Подпольный дух (L'Esprit souterrain)* (Dostoïevski 1886) его авторами были Илья Гальперин-Каминский и Шарль Морис, и эта книга выходит в 1886 г. одновременно с книгой Эжена-Мельхиора де Вогюз *Русский роман*, установившей не просто «моду» на русскую культуру, но и пробудившей интерес к русской литературе как источнику вдохновения для французской (а затем и для мировой) культуры. Несмотря на очевидные несоответствия оригиналу (авторы этого перевода-«адаптации» объединяют повести «Хозяйка» и *Записки из подполья*, где повествователь получает имя — Ордынов, пропускают довольно большую часть рассуждений из части «Подполье», зачастую дают вольный пересказ событий и т. д.), эта книга имела большой успех, была переведена на несколько европейских языков (как минимум, на голландский, итальянский, испанский) и переиздавалась в разных видах (в том числе с указанием только одного переводчика — Гальперина-Каминского) вплоть до наших дней. Второй перевод был сделан Владимиром Бинштоком в 1909 г. под названием *Подполье (Le Sous-sol)* (Dostoïevski 1909), он отличался большей степенью соответствия с оригиналом и имел существенное влияние на читателей 1910–1920-х годов, тем не менее, именно этот перевод подвергался особенной критике за неточности, что, на наш взгляд, было преувеличением: в нем было немало находок, актуальных до сих пор; ценна также относительная приближенность Бинштока к российским реалиям XIX в. В 1926 г. вышел первый перевод Бориса Шлёцера под названием *Подпольный голос (La Voix souterraine)* (Dostoïevski 1926-1), сделанный в период его сотрудничества с Львом Шестовым, произведения которого он переводил именно в это время на французский язык. Впоследствии Шлёцер переделал свой перевод для публикации в научном издании произведений Ф. М. Достоевского в серии «Плеяда» (1956, изд-во Gallimard), где он вышел под названием *Подполье (Le Sous-sol)*; этот текст неоднократно переиздается, и в 1995 г. вышло двуязычное издание под названием, более соответствующем русскому (*Carnets du sous-sol*)⁷. В 1926 г. выходят *Мемуары, написанные в подполье (Mémoires écrites dans un souterrain)* (Dostoïevski 1926-2) с именами переводчиков Анри Монго и Марк Лаваль, многократно переиздававшиеся впоследствии в издательстве Gallimard⁸. В 1934 г. Монго один публикует в том же издательстве в рамках 15-томного собрания сочинений Достоевского (1931–1934) *Из глубины подземелья (Du fond du souterrain)*. В моем подземелье (*Dans mon souterrain*) (Dostoïevski 1948) — так назвал свой перевод Марк Семеновф в 1948 г.: он был неоднократно

⁷ Мы цитируем этот перевод по книге 2011 г. (Dostoïevski 2011).

⁸ Мы цитируем этот перевод по изданию 1938 г. (Dostoïevski 1938).

переиздан, в том числе и в томе 5 17-томного Собрания литературных произведений, вышедшего в 1959–1961 гг. в Лозанне (изд-во Rencontres) и в других изданиях, в том числе и без указания его имени. В 1967 г. в издательстве Baudelaire выходит перевод-популяризация *Подполье* (*Le Souterrain*) без подписи переводчика (Dostoïevski 1967). В 1972 г. публикуется первое двуязычное издание, отличающееся большой точностью перевода для которого сделала Лили Дени (*Notes d'un souterrain*)⁹. В 1992 г. Андре Маркович, предпринявший новый перевод полного собрания сочинений Достоевского, печатает свою версию (*Les Carnets du sous-sol*), в которой он стремился показать «неприглаженного» Достоевского¹⁰. В 2008 г. выходит перевод Сильви Оулетт (*Carnets du sous-sol*) (Dostoïevski 2008), предназначенный для программы французских лицеев: переводчица стремилась к буквальной точности, а также создала учебный аппарат для французских старшеклассников. В настоящей статье мы будем приводить наиболее репрезентативные случаи переводческих исканий: переводы Гальперина-Каминского и Шарля Мориса, Бинштока, Шлёцера (1956), Лили Дени и Марковича, — но в отдельных случаях будем обращаться и к другим переводам.

Начнем с первого упоминания экономических реалий — рассуждению о взятке и наслаждении, которым, тем не менее «вознаграждал» себя подпольный. Перевод «взятки» представляет собой в большей степени стилистическую задачу: переводчики или давали стандартный французский эквивалент, колоритный с точки зрения словообразования — «pot-de-vin» (Dostoïevski 1886: 157; Dostoïevski 1909: 4; Dostoïevski 2011: 9; Dostoïevski 2017: 11), в отличие от более простого и прагматичного слова в русском языке, или искали, как Дени, другие описательные выражения: «je ne me laissais pas graisser la patte» (Dostoïevski 2014: 44) — это клише, сложившееся из образного выражения: буквально «пожирнить» мне руку, возможно передать через русское клише — «позолотить ручку»). «Вознаграждение» же передается переводчиками как «бытовыми» существительными или глаголами: il me fallait bien quelques compensations (Dostoïevski 1909: 4); Je pouvais bien me dédommager de cette manière (Dostoïevski 2011: 9), «il fallait bien que je me dédommage — ne serait-ce que comme ça» (Dostoïevski 2017: 11).

Значительно более «экономическим» представляется перевод Гальперина-Каминского и Мориса, использовавших слово «прибыль» (*bénéfices*) предложивших: «il me fallait bien trouver ailleurs mes petits bénéfices» (Dostoïevski 1886: 157). Использование слова *bénéfice* выявляет в тексте Достоевского упомянутую нами в начале проблему переноса экономи-

⁹ Мы цитируем этот перевод по переизданию 2014 г., сделанного без русского текста 2014 г. (Dostoïevski 2014).

¹⁰ Мы цитируем этот перевод по изданию 2017 г. (Dostoïevski 2017)

ческих реалий в сфере этики: подпольный на самом деле получает «прибыль» от своей деятельности, но «прибыль» эта эмоциональная, моральная.

Глава 7 первой части повести начинается с упоминания о «золотых мечтах», после чего мысль подпольного сосредотачивается на понятиях «выгоды» и «интересах», четко ассоциирующихся с философией Просвещения и ее рационализмом, склонностью к классификациями и материализмом (Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, энциклопедия и др.), а также с утопическими идеями XIX в. (Ш. Фуко, Н. Чернышевский и т. д.), этикой Э. Канта, представлениями об истории Г. Гегеля и Г. Т. Бокля, и др., то есть по сути дела с реалиями капитализма. Критические суждения связаны с поиском настоящих «интересов» человека, человеческой «выгоды», которые может быть полной противоположностью не только утилитарности, но и морали. «Самая выгодная выгода», она же — «пропущенная» выгода, представляет апофеоз навязчивых повторений этого слова на протяжении всей главы. Напомним, что арифметические выводы («дважды два пять») из этих размышлений даны в 9 главе, где снова возникает слово «выгода». Достоевский жестко не разделяет словоупотребление «выгоды» и «интереса», но в большинстве случаев он использует «выгоду» (в повести это слово и его производные встречаются более 50 раз!), а когда речь идет о выводах по поводу моральных категорий, то использует «интерес» (это слово и его производные встречаются чуть более 10 раз). Наиболее адекватные французские эквиваленты — «*avantages*» и «*intérêt*», причем второе слово означает также и «банковские проценты»: упомянутая цитата о мыши и процентах переводилась всеми переводчиками со словом «*intérêt*».

Отметим, что и данной повести, и в других своих произведениях Достоевский также означает существительным «интерес» и производными от него прилагательным и глаголом явления, связанные с эротической темой («Клянусь, она и в самом деле меня интересовала», II, 6). Этот нюанс смысла должен был ощущаться в XIX в., однако сейчас он практически незаметен. В какой-то степени можно считать это использование Достоевским «интереса» в эротическом смысле как особое «словечко». Во французском языке такое словоупотребление тоже возможно, и, как правило переводчики просто калькируют это слово (интерес — *intérêt*), однако при этом теряется та особая интонация, какую вносил в него Достоевский.

Анализ самого первого перевода разочаровывает: его авторы существенно сократили 7, 8 и 9 главы. Однако в оставшемся тексте доминирует перевод «*intérêt*» (Dostoïevski 1886: 180). Биншток старается тщательно, в согласии с текстом Достоевского, различать слова «выгода» — «*avantages*» и «интерес» или «интересы» — «*intérêts*» (Dostoïevski 1909: 31, 33). Такой же стратегии придерживается Дени. Шлёцер переводит слово «выгода» разными способами, в том числе описательными оборо-

тами («estimation», «avantageuse» например (Dostoïevski 2011: 101)), то есть он сглаживает нарочитые повторы, характерные для Достоевского, при этом слова «avantage» и «intérêt» тоже используются, но совершенно ясно, что переводчик не хотел точно проследить различия, характерные для русского текста. Любопытно, что наши современники Маркович и Оулетт, напротив, в большинстве случаев нарочито переводят оба слова словом «intérêt», слово подчеркивая именно финансовую составляющую.

Остановимся подробнее на рассуждениях подпольного о «самой выгодной выгоде» которой посвящены два отрывка из 7 главы, и заодно обратим внимание на перевод выражения «самостоятельное хотение», рядом с которым обозначается его цена, от «благоразумно выгодного хотения»:

«...есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаяемая-то, вот об которой сейчас говорили), которая главнее и выгоднее всех других выгод и для которой человек, если понадобится, готов против всех законов пойти, то есть против рассудка, чести, покоя, благоденствия, — одним словом, против всех этих прекрасных и полезных вещей, лишь бы только достигнуть этой первоначальной, **самой выгодной выгоды**, которая ему дороже всего...»

«...та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотения? Человеку надо — одного только **самостоятельного хотения**, чего бы эта самостоятельность ни стоила...»

Гальперин-Каминский и Морис адаптируют текст, используя слово *intérêt*, то есть подчеркивая финансовую составляющую размышлений подпольного, «пропускаемая» переводится как «та, о которой не отдаешь себе отчета», а «самостоятельное хотение» интерпретируют как «независимость» (*l'indépendance*), а слово «хотение» вообще не переводит:

«— Il y a donc quelque chose, en cet homme, de plus puissant et de plus précieux que tous les intérêts, quelque chose qui est **le plus intéressant des intérêts** et dont justement **on ne tient pas compte**.

— Mais ce n'est pas moins par intérêt qu'il agit, me direz-vous.

Permettez, ne jouons pas sur les mots: le principal ici, c'est que **cet intérêt spécial** renverse vos systèmes, met vos listes sans dessus dessous, ne peut se loger sous aucune rubrique et vous désoriente» (Dostoïevski 1886: 180)

«...cet intérêt particulier dont je vous parlais, qui refuse d'entrer dans vos classifications et les fait éclater. Où prenez-vous que l'homme aime la sagesse et s'en tienne à ne rechercher que ce qui lui est utile? Ce qu'il faut à l'homme, c'est **l'indépendance**, à n'importe quel prix» (Dostoïevski 1886: 184).

Начало этого пассажа у Бинштока напоминает предыдущий перевод, но дальше он старается приблизиться к тексту оригинала, но сглаживает тавтологию с помощью уже упомянутого синонима *avantage*:

«...**certain intérêt plus important que les autres**, un de ces intérêts **dont on ne tient pas compte**, ainsi que je le disais, et pour lesquels, cependant, l'homme est capable d'aller, s'il le faut, contre la raison, l'honneur, la tranquillité, le bien-être, en un mot, contre tout ce qu'il est de plus beau et de plus utile, pourvu qu'il atteigne à cet **avantage** primordial, le plus important, le plus précieux de tous, à ses yeux» (Dostoïevski 1909: 32).

Финальный пассаж, который мы приводим ниже, интересен выражением *l'avantage omis* (пропущенная выгода), которое будет повторяться во многих последующих переводах (с вариантами «*l'intérêt omis*» и использованием выражений с глаголом *omettre*), а также довольно продуктивным подходом к переводу «хотения», в котором передается множественность смыслов через, как минимум, три эквивалента — «*volonté*» (воля), «*désirer*» (хотеть, в том числе эротическом смысле), «*vouloir*» (желать, хотеть):

«...voilà en quoi consiste **l'avantage omis**, l'intérêt le plus important, celui qui n'entre dans aucune classification et envoie au diable tous les systèmes et toutes les théories. Qu'ont-ils été imaginer, tous ces sages, que l'homme ait besoin d'une **volonté** normale, vertueuse? Qu'ont-ils été chercher que l'homme ait besoin de **désirer d'une façon raisonnable et avantageuse**?

L'homme n'a besoin que d'une seule chose: **vouloir en toute indépendance**, quoi que puisse lui coûter cette indépendance et quelques conséquences qu'elle puisse entraîner. Mais aussi, le désire-t-il?» (Dostoïevski 1909: 38–39).

Другие переводчики предлагают самые разные — более или менее буквальные — варианты «выгодной выгоды». Монго и Лаваль выбирают *super-avantage* «супер-выгода» (Dostoïevski 1938: 52), Дени — «Un *avantage plus avantageux que les autres* (précisément celui qui a été *omis*...)» (Dostoïevski 2014: 63).

Маркович дает свой вариант — «*Intérêt le plus intéressant*», «*ce plus profitable de tous les profits*» (Dostoïevski 2017: 34, 38), Оулетт переводит «самую выгодную выгоду тоже несколькими способами: «*intérêt suprême*» и «*l'intérêt le plus profitable mais celui qu'on oublie*» (Dostoïevski 2008: 40, 45). Обратим здесь внимание на слово «*profit*» и его производные: оно означает «доход», «прибыль», особенно в современном языке, а в разговорном языке оно имеет ругательный оттенок — «барыш».

Из приведенных примеров видно, что переводчики стремились подчеркнуть финансовую составляющую рассуждений персонажа и относительно адекватно передавали смысл чрезмерности, которую Достоевский обозначил здесь, разумеется, не без присущей иронии.

Еще одним характерным случаем нам представляется передача выражения «самостоятельное хотение», которое практически все переводчики, вслед за самыми первыми, переводили, используя слово «независимый» и его производные (*indépendant*, *indépendance*): помимо уже процитированных приведем следующие примеры: неологизм в переводе Монго и Лавалы «*volution indépendante*» (Dostoïevski 1938: 52), «независимая воля» — «*volonté indépendante*» у Шлэцера в следующей конфигурации — «*volonté raisonnable et avantageuse, volonté indépendante*» (Dostoïevski 2011: 77), а также у Семеновф (Dostoïevski 1948: 66), Марковича (Dostoïevski 2017: 38) и Оулетт (Dostoïevski 2008: 45). Дени предлагает «независимое хотенье» — «*vouloir indépendant*» (Dostoïevski 2014: 67).

Такой перевод — свидетельство определенного понимания текста Достоевского. От чего может быть «независимым» это хотенье? Оно должно от чего-то освободиться, чтобы стать «независимым»? Переводчики, по всей вероятности, связывали это выражение с постоянно повторявшимися мотивами хозяина и раба (или слуги), а также с критикой утопического социализма Чернышевского и Фурье. Достоевский же говорит не о «независимом», а о «самостоятельном» хотении, то есть хотении, которое важно само по себе, а не своим соотношением с чем-то другим, и в этом заключается одна из важнейших характеристик подпольного: он не только и не столько «маленький человек», но, скорее, абсолютно свободный и отдельный индивид. Заметим также, что передача «хотения» через «*volonté*» — «волю», «волеизъявление», тоже искажает смысл слов Достоевского: подпольный настаивает на том, что он не деятель, а мыслитель, а «воля» подразумевает некую упорную активность. Возможно, такая интерпретация рассматривалась как компенсация смысла прилагательного «самостоятельное», однако оно использовалось и в других словосочетаниях. Несмотря на упрощенность и банальность, более удачными нам представляются варианты, образованные от глагола «хотеть» — «*vouloir*», а также интуиция Бинштока, который добавляет в анализируемые контексты глагол «*désirer*» (желать), расширяющие сугубо деловую сферу и приносящую эротические коннотации. Ибо эти коннотации присутствуют в тексте, прежде всего, в эпизоде Клеопатры и небольшого эпизода из римской истории.

В 7 главе «золото» звучит не только в выражении «золотые мечты» («*grêves d'or*», «*grêves dorés*» в разных переводах), но и «золотые булавки», которыми Клеопарта «любила втыкать» в груди своих невольниц и «находила наслаждение в их криках и корчах». За редким исключением, переводчики передают прилагательное «золотой» предложной конструкцией «*d'or*» («из золота», другой, менее распространенный вариант — прилагательное «*doré*»): это буквально садистское действие ассоциируется как с экономической, так и с эротической составляющей, причем речь идет о жестоком действии. Можно только предполагать, осознавал ли это Биншток, добавив в «самостоятельное хотение» потенциально

эротическое значение, которые в контексте повести будет связано с моральной жестокостью. Связь эта подкрепляется у Достоевского нередко встречающимся словом «мечты» («rêves» в большинстве переводов), которые в 10 главе второй части называются «подпольными»: разумеется, здесь напрашивается ассоциация между «золотыми булавками» и «подпольными мечтами».

Добавим также, что в переводе Гальперина-Каминского и Мориса упоминание о Клеопатре было вообще опущено, вероятно, переводчики хотели избавить французского читателя от садистских ассоциаций подпольного, но при этом события эротической жизни персонажа представлены ими значительно разнообразнее за счет соединения их с приключениями из повести «Хозяйка». Более того, первые переводчики повести убирают и последующие упоминания о Хрустальном дворце и птице Каган, вместо которых предлагается краткое рассуждение о «золотом веке»: «Alors sera fondé le Temple du Bonheur, alors... en un mot, c'est alors que sera venu l'âge d'or», что звучит в обратном переводе так: «Тогда выстроится Храм Счастья, тогда... одним словом, тогда придет золотой век» (Dostoïevski 1886: 83). «Золотой век», несмотря на сбой в представлении времени (абсолютное прошлое время, в отличие от хрустального дворца как образа настоящего и будущего), представляется весьма любопытной «находкой» переводчиков. Во-первых, это насквозь иронический образ, хотя он навеян прекрасным знанием всего творчества Достоевского в целом (что неудивительно в случае с Гальпериным-Каминским). Во-вторых, в нем содержится предвестие поэтических мечтаний подпольного о супружеской жизни с Лизой, подкрепленные навязчивым цитированием Н. А. Некрасова, и проделанная переводчиками «адаптация» придает большую стройность композиции всего произведения — «романа» «Подпольный дух».

Вернемся к Достоевскому. В той же, 7 главе, персонаж рассуждает о «логике», которую разрушает «самая выгодная выгода», и заодно приводит специальное слово «логистика» в качестве издевательства над логикой. В данном контексте оно означает «пустые суждения», «схоластику», как считают российские комментаторы академического собрания сочинений Достоевского (Достоевский 2016: 521). Однако это слово само по себе существовало в XIX в., и его прямое значение, связанное с этимологией, тоже можно учитывать. «Логистика» восходит к древнегреческому языку и означает «счетоводство», «искусство счета», а ведь дальнейшие рассуждения подпольного о «выгоде» как раз подкрепляются самыми разными числами и математическими упражнениями. Рассуждение о логике и логистике — очередной «каламбур», очень многосмысленный, и наше современное понимание «логистики», конечно, не эквивалентно тому, что имеет в виду Достоевский, но оно не полностью чуждо его идеям. Переводчики ощущали, что в этом месте есть определенный подвох, и выбирали разные стратегии. Гальперин-Каминский

и Морис вообще не переводят это место. Биншток дает вольный пересказ, в котором использует слово «софизм» — *sophisme* (Dostoïevski 1909: 34), так же поступают Монго и Лаваль (Dostoïevski 1938: 46). У Шлёцера появляется калька «логистики» — «*logistique*» (Dostoïevski 1926-1: 47, Dostoïevski 2011: 67), тот же вариант у Семеновф (Dostoïevski 1948: 60) и Марковича (Dostoïevski 2017: 34). Дени предложила усиление «чистая логистика» — «*pure logistique*» (Dostoïevski 2014: 64). Оулетт стремится разъяснить смысл, предлагая варианта «ложная логика» — «*fausse logique*» (Dostoïevski 2008: 41).

Французские переводы экономических реалий во второй части повести не во всех случаях согласуется с первой. Разница очевидна: в первой части подпольный занимался философскими и теоретико-экономическими рассуждениями, а во второй он описывает реальность купли-продажи человека, а также проблему власти, которая сначала представляется как отношение между господином и рабом, а потом оно оказывается диалектически перевернутым, ибо Лиза — та, кого он называл «рабой», оказывается сильнее его, проявившего над ней свою власть. Здесь же возникает многозначная тема «долга» и «свободы», которая затрагивает и Лизу, и подпольного. Возможно, именно под влиянием второй части, переводчики почти в один голос предлагали слово «независимое» для перевода «самостоятельного» хотенья.

Местом купли-продажи является в повести «модный магазин», являющийся реальным магазином мод, а ночью работающий как бордель. Разумеется, название этого заведения многозначно, оно связано и с темой одежды, которая постоянно заботит подпольного (например, бобрик, цвет перчаток и т. д.), и с тем, что посещать бордель было «модно» в определенной среде Петербурга... Перевод этого обозначения оказался не бесспорным. Почти все переводчики переводят буквально, используя родительный падеж существительного вместе прилагательного, которого вообще нет во французском языке: «*magasin de mode*». Семеновф не без определенного остроумия, вчитывает в это выражение значение «магазины, которые модно посещать» «*magasins à la mode*» (Dostoïevski 1948: 177), однако если у Достоевского и был такой смысл, то он не был главным в данном случае. Довольно любопытен перевод Бинштока — «*magasin de modes*» (Dostoïevski 1909: 126), где слово «мода» поставлено во множественное число: получился «магазин мод». В этом можно увидеть стремление уточнить реалии эпохи — множественное число характерно для французского языка XIX в. С другой стороны, отметим, что использованное Бинштоком словосочетание могло ассоциироваться и с названием периодических изданий XVII в. в сфере моды.

Во второй части снова появляется слово «выгода», на этот раз в совершенно неметафорическом смысле: речь идет о хозяйке борделя, которая держит Лизу в кабале за «долг». В контексте всей повести, разумеется, это слово — отзвук рассуждений подпольного из первой части.

В длинных тирадах подпольного, обращенных к Лизе есть такие слова: «А хозяйке-то и выгодно. Не беспокойся, это так; душу, значит, продала, а к тому же деньги должна, значит и пикнуть не смеешь...» (II, 7).

Этот довольно грубый пассаж Гальперин-Каминский и Морис, как это часто происходит, попросту пропускают. Биншток, использовавший в первой части слова, образованные от «*avantage*», сохраняет эту игру слов: «*C'est avantageux pour la patronne. Ne t'inquiète pas, c'est la vérité: Tu as vendu ton âme, et puis tu dois de l'argent, donc, tu n'oses pas dire un mot*» (Dostoïevski 1909: 150). Шлёцер придерживается похожей стратегии при переводе этого места, но в этом случае буквальные переключки в первой частью получились менее явными, в связи с тем, что в ней было меньше случаев использования «*avantage*»: «...*et c'est très avantageux pour la patronne. Oui, c'est ainsi. Tu lui as vendu ton âme, et, en plus, tu lui dois de l'argent. Tu ne peux donc plus te permettre d'ouvrir la bouche*» (Dostoïevski 2011: 297, 299).

В более современных переводах Дени и Оулетт используется вообще другое слово — глагол «*arranger*» — «устраивать»: «*Et la patronne, ça l'arrange* (Dostoïevski 2014: 147, Dostoïevski 2008: 149). Так обозначается, скорее «компенсация», «обмен». Маркович, напротив, подчеркивает буквально «выигрыш» хозяйки (глагол «*gagner*»), добавляя разговорное выражение «*piper mot*» для передачи глагола «пикнуть»: «*La patronne, elle y gagne. Ne t'en fais pas, c'est comme ça ; elle a vendu son âme, n'est-ce pas, c'est comme ça ; elle a vendu son âme, n'est-ce pas, en plus elle doit l'argent, elle n'osera piper mot*» (Dostoïevski 2017: 131).

Приведенный отрывок представляется нам существенным еще и в том смысле, что он демонстрирует риторическую сущность постоянно возникающих рассуждений подпольного о господине и рабе, основанных в той или иной мере на финансовых отношениях. В них, разумеется, есть гегелевская подоплека, однако в данном случае диалектика сопровождается расплывчатостью и подменой понятий. Первым проявлением этих «отношений» является упоминание о служебной жизни подпольного, который не брал взятки, но компенсировал это другими проявлениями власти над просителями, затем, и, его общение с начальством (на работе он называется себя «трусом и рабом», «раб» — «*esclave*»), особенно с Сеточкиным, у которого он берет в долг, о чем речь идет уже во второй части; долги перед Симоновым воспринимаются подпольным как угнетающая его моральная зависимость. Что касается Лизы, то характеристика ее в 6 главе второй части как «рабы», которая сама себя продала в рабство и связанной «цепями», принадлежит не ей (она лишь смутно намекает на то, что семья принудила ее к этому рабству), а подпольному, который, к тому же заставляет Лизу думать, что продавая свое тело, она продает и душу, причем бессрочно.

Одно из сложнейших слов для перевода в этом контексте — «кабальить», ассоциирующиеся, в том числе, и с ситуацией крепостного права,

отмененного в 1861 г., то есть за несколько лет до написания *Записок из подполья*: «Подумай только: что ты здесь отдаешь? Что кабалишь? Душу, душу, в которой ты не властна, кабалишь вместе с телом» (II, 7).

Биншток предлагает перевести «кабалишь» как «служить», «прислуживать»: «Pense donc: que donnes-tu ici? Qu'est-ce qui est en servitude? Ton âme, ton âme, qui ne t'appartient plus, qui est en servitude avec le corps» (Dostoïevski 1909: 146). Шлёцер переводит «отдаться в рабство»: «Songe un peu à ce que tu vends ici, à ce que tu livre à l'esclavage? C'est ton âme avec ton corps! Tu ne peux plus disposer de ton âme» (Dostoïevski 2011: 289, 291). Дени использует однокоренное слово с «servir» — служить: «Réfléchis un peu: qu'est-ce que tu abandonne, ici? qu'est-ce que tu asservis? Ton âme, ton âme qui ne t'appartient pas et que tu vends avec ton corps» (Dostoïevski 2014: 145).

Маркович не пытается перевести «кабалишь», но несколько раз повторяет глагол «продать» — «vendre», обнажая товарно-денежные отношения: «Réfléchis, seulement: qu'est-ce que tu donnes ici, qu'est-ce tu es en train de vendre? Ton âme, oui, ton âme, qui ne t'appartient pas, que tu vends en même temps que ton corps!» (Dostoïevski 2017: 128).

Лиза сначала сопротивляется такому умозаключению, но потом поддается на уговоры подпольного, что провоцирует у нее сильнейшую истерику и стремление изменить свою жизнь. Но тем самым она попадает в новую зависимость — на этот раз уже от самого подпольного, о чем ярко свидетельствуют финал повести, где соотношение «хозяин-раб» переходит на новый моральный уровень — «палач-жертва». Причем на этом уровне именно деньги оказываются символом такого перехода, а отказ — перемену ролей — подпольный, который только что выступал в роли палача, сам оказывается жертвой, которой остается только морально страдать (что, разумеется, не отменяет и страданий Лизы). При этом, нельзя забывать о комическом «двойнике» этого процесса, воплощенном в отношениях между подпольным и его слугой Аполлоном, которого тот называет «палачом». Еще одной «фоновой» иллюстрацией может служить и упомянутая сцена с Клеопатрой, еще одним «античным» именем в повести...

Французские переводчики довольно однозначно подошли к переводу понятий, связанных со значениями «рабства», что не передает множества смысловых нюансов Достоевского. Говоря о Клеопатре и ее золотых булавах, Достоевский использует совершенно общеупотребительное слово русского языка «невольницы», то есть буквально, если рассмотреть структуру слова, — «те, у кого нет воли». Во всех французских переводах мы видим общеупотребительное слово «esclave», означающее и «рабыню», и «невольницу», и это самый удачный выбор с точки зрения французского языка, потому что слово «servir» обладало неуместной здесь коннотацией «крепостной». Однако и для передачи

понятий «раб» и «раба» французские переводчики использовали то же самое слово. Для Достоевского же разница довольно чувствительна особенно в случае с «рабой»: использованное здесь, разумеется, в метафорическом смысле, это слово, тем не менее соотносится с христианским значением «раба Божья», именно «раба», а не «рабыня»¹¹, и уж тем более не «невольница», причем именно форма женского рода особенно сильно маркирована такой ассоциацией, и в тексте действительно Лиза в какой-то момент проявляет милосердие к издеваемому над ней подпольному, что соответствует такому значению слова «раба», то есть это уже не та «раба», которой надо избавиться от своих цепей, но та, чье служение является абсолютной ценностью. Во французском языке «раба Божья» — это «*servante de Dieu*».

Манипуляции с пятирублевой купюрой лишь усиливают это сакральное значение слова «раба» по отношению к Лизе. Бытовой жест передачи денег описывается как тайное действие, а тот момент, когда героиня оставляет купюру («бумажку») вообще не был замечен подпольным. Это циркуляция «зла», «отрицательного сакрального», как сказал бы французский писатель Жорж Батай. На русском языке недосказанность в сцене передачи денег выражена грамматически правильно, однако во французском пропуск прямого дополнения создает впечатление грамматической ошибки, поэтому переводчики не всегда решаются на такую конструкцию, предпочитая описательные обороты. Напомним русскую фразу: «Я вдруг подбежал к ней, схватил ее руку, разжал ее, вложил... и потом опять зажал» (II, 10).

Гальперин-Каминский и Морис сделали кальку с русского языка: «*Je courus à elle, je lui pris la main, l'ouvris, et lui mis... puis la fermai, et aussitôt lui tournant le dos, je me reculai avec une singulière vivacité dans un coin, — pour ne pas la voir au moins!...*» (Dostoïevski 1886: 294). Биншток добавил для грамматической верности обстоятельство места — получилось «туда вложил»: «*Soudain, je couru sur ses pas; je saisi sa main, je l'ouvris, j'y placé... et la refermai*» (Dostoïevski 2011: 186). В том же духе перевели Монго и Лаваль (Dostoïevski 1938: 234–235), и Маркович (Dostoïevski 2017: 160) и Оулетт (Dostoïevski 2008: 183). Шлэцер максимально сокращает весь пассаж, сливая несколько фраз в одну, чтобы более непосредственно передать стремительность действия: «*Mais je ne veux pas mentir et je dis donc ouvertement que je desserai sa main et déposai... par pure méchanceté*» (Dostoïevski 2011: 367, 369). Семеновф хочет достичь того же эффекта, но при этом ничего не сокращает: «*Brusquement, je me précipitai vers elle, saisi, ouvris sa main, y glissai... et la refermai*» (Dostoïevski 1948:

¹¹ Слово мужского рода «раб» менее маркировано христианской ассоциацией, но в связи с различением форм в женском роде («раба» и «рабыня») можно увидеть здесь предвестие проявления милосердия, или, по крайней мере, жалости со стороны Лизы в последней сцене повести.

252–253). Дени тщательно разъяснила читателю почти все, дав даже артикль слова «бумажка», но все же не использовав его самое: «J'ai brusquement couru à elle, j'ai saisi son poing, je l'ai resserré, j'y ai fourré un..., puis je l'ai refermai» (Dostoïevski 2011: 174).

Деньги, которые подпольный не хочет называть, и которые все равно останутся у него в доме, не имеют здесь отношения к экономике или к моральным суждениям, умолчание означает здесь принадлежность в принципиально иной, так сказать, трансцендентной, сфере — сфере зла, которую подпольный обозначает бытовым выражением «со зла» (переводилось или буквально — «par méchanceté», или с усилением «из чистой злости» — «par pure méchanceté»), и которая возвращает читателя к началу — «Я злой человек» (I, 1). Этой сфере противопоставлена другая, обозначенная подпольным чисто риторически (серьезно это или несерьезно, можно только гадать) как «любовь» в 6 главе второй части: «Любовь — тайна Божия и от всех глаз чужих должна быть закрыта, что бы там ни произошло. Святее от этого, лучше». Переводчики выбирают для передачи тайны слово «mystère», маркированное в том числе и христианскими коннотациями, но по-разному понимают слово «святее»: Шлёцер — «c'est plus saint» (Dostoïevski 2011: 281), Дени — «Il n'en est que plus saint» (Dostoïevski 2014: 143), Маркович — «C'est plus sacré» (Dostoïevski 2017: 124). Наиболее далеким, слишком серьезным, и вместе с тем, как нам кажется, адекватным умонастроению Достоевского (но, возможно, не подпольного персонажа), был самый первый перевод, где дана интерпретация, предвещающая дальнейшее творчество Достоевского — «религиознее»: «L'amour c'est le secret des deux. Il doit demeurer cahché à tous, quoi qu'il arrive. C'est mieux, c'est plus religieux...» (Dostoïevski 1886: 243).

Мы привели лишь несколько примеров перевода реалий, связанных с экономической и эротической темами в *Записках из подполья*. Нашей целью не было выявить «наилучший» перевод — каждый из них представляет собой серьезный поиск эквивалентов, обусловленных и эпохой Достоевского, и культурой, современной для самих переводчиков. Многие из них (Гальперин-Каминский, Биншток, Шлёцер, Семенов, Маркович и др.) имели славянские корни и прекрасно понимали русский язык, поэтому можно предполагать, что их выбор был совершенно осознанным. С другой стороны, и в этом в очередной раз убеждает анализ французских переводов, текст повести выстроен по законам поэзии, и в том смысле, в каком Л. В. Пумпянский еще на рубеже 1910–1920-х годов говорил о «трагической поэзии» (Пумпянский 2000), так и более буквально — как некая суггестия музыкальной просодии, что, разумеется, практически невозможно перевести с точностью на иностранные языки в принципе, хотя, как мы стремились показать, переводчики стремились как-то передать это поэтическое начало. Французские перевод-

чики прекрасно уловили экономическую составляющую повести, даже порой выделяли ее слишком четко; в некоторых случаях они находили удачные транспозиции для воплощения сложных соотношений между экономикой, этикой и эротикой. Но идеальный перевод *Записок из подполья* еще ждет своего автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Бержайте Дагне, Киселюте Ингрида. «В кармане подпольного парадоксалиста». *Literatūra* 56/57(2) (2015): 52–67.
- Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений и писем*. В 35 т. Т. 5. Санкт-Петербург: Наука, 2016.
- Карпи Гуиди. *Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы*. Москва: Фаланстер, 2012.
- Пумпянский Лев. «Достоевский и Античность», «Достоевский как трагический поэт». Пумпянский Л. В. *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 506–529, 558–561.
- Catteau Jacques. *La création littéraire chez Dostoïevski*. Paris: Institut d'études slaves, 1978.
- Dostoïevski Fédor. *Carnets du sous-sol*. Trad. B. de Schlœzer. Paris: Gallimard, 2011 (Coll. Folio Bilingue) (première édition, 1995).
- Dostoïevski Fédor. *Carnets du sous-sol*. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, série Lycée, Classiques et contemporains, 2008.
- Dostoïevski Fédor. *Dans mon souterrain*. Trad. M. Semenov. Paris: Nouvelles éditions latines, 1948.
- Dostoïevski Fédor. (Th.) *L'Esprit souterrain*. Traduit et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886.
- Dostoïevski Fédor. *La voix souterraine*. Trad. B. de Schloezer. Paris: Stock, 1926. (Dostoïevski 1926-1)
- Dostoïevski Fédor. *Le Sous-sol*. Trad. B. de Schlœzer. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1956.
- Dostoïevski Fédor. *Le Sous-sol*. Trad. J.W. Bientstock. Paris: Charpentier, 1909.
- Dostoïevski Fédor. *Le Souterrain*. Paris: Ed. Baudelaire, 1976.
- Dostoïevski Fédor. *Les Carnets du sous-sol*. Trad. A. Markowicz. Arles: Actes Sud, 2017. (première édition 1992).
- Dostoïevski Fédor. *Mémoires écrits dans un souterrain*. Trad. H. Mongault et M. Laval. Bordeaux: Cadoret — Paris: Bossard, 1926 (Dostoïevski 1926-2).
- Dostoïevski Fédor. *Mémoires écrits dans un souterrain*. Trad. H. Mongault et M. Laval. Paris: Gallimard, 1938.
- Dostoïevski Fédor. *Notes d'un souterrain*. Trad. L. Denis. Paris: Flammarion, 2014. 1992 (première édition, Paris, Aubier, 1972).

LITERATURE

- Berzhajte Dagne, Kiseljute Ingrida. «V karmane podpol'nogo paradoksalista». *Literatūra* 56–57/2 (2015): 52–67.
- Catteau Jacques. *La création littéraire chez Dostoïevski*. Paris: Institut d'études slaves, 1978.
- Dostoïevski Fédor. *Carnets du sous-sol*. Trad. B. de Schlœzer. Paris: Gallimard, 2011 (Coll. Folio Bilingue) (première édition, 1995).

- Dostojevski Fédor. *Carnets du sous-sol*. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, série Lycée, Classiques et contemporains, 2008.
- Dostojevski Fédor. *Dans mon souterrain*. Trad. M. Semenoff. Paris: Nouvelles éditions latines, 1948.
- Dostojevski Fédor. (Th.) *L'Esprit souterrain*. Traduit et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886.
- Dostojevski Fédor. *La voix souterraine*. Trad. B. de Schloezer. Paris: Stock, 1926. (Dostojevski 1926-1).
- Dostojevski Fédor. *Le Sous-sol*. Trad. B. de Schloezer. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1956.
- Dostojevski Fédor. *Le Sous-sol*. Trad. J.W. Bientstock. Paris: Charpentier, 1909.
- Dostojevski Fédor. *Le Souterrain*. Paris: Ed. Baudelaire, 1976.
- Dostojevski Fédor. *Les Carnets du sous-sol*. Trad. A. Markowicz. Arles: Actes Sud, 2017. (première édition 1992).
- Dostojevski Fédor. *Mémoires écrits dans un souterrain*. Trad. H. Mongault et M. Laval. Bordeaux: Cadoret — Paris: Bossard, 1926 (Dostojevski 1926-2).
- Dostojevski Fédor. *Mémoires écrits dans un souterrain*. Trad. H. Mongault et M. Laval. Paris: Gallimard, 1938.
- Dostojevski Fédor. *Notes d'un souterrain*. Trad. L. Denis. Paris: Flammarion, 2014. 1992 (première édition, Paris, Aubier, 1972).
- Dostojevskij Fedor. *Zapiski iz podpol'ja*. Dostojevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 35 t. T. 5. Sankt-Peterburg: Nauka, 2016.
- Karpi Guido. *Dostojevskij-ekonomist. Očerki po sociologii literatury*. Moskva: Falanster, 2012.
- Pumpjanskij Lev. «Dostojevskij i Antichnost'», «Dostojevskij kak tragicheskij pojet». Pumpjanskij L. V. *Klassičeskaja tradicija. Sobranie trudov po istorii ruskoj literatury*. Moskva: Yazyki ruskoj kul'tury, 2000: 506–529, 558–561.

Јелена Галцова

НОВАЦ И ПРОЦЕНТИ У ФРАНЦУСКИМ ПРЕВОДИМА *ЗАПИСА ИЗ ПОДЗЕМЉА*
Ф. М. ДОСТОЈЕВСКОГ: ПИТАЊА ЕКОНОМИЈЕ, ЕТИКЕ И ЕРОТИКЕ

Резиме

У раду се француски преводи *Записа из подземља*, настали у периоду од 1886. до 2008. г., разматрају у контексту теме новца и процената, као и етичких и политичких алузија у тексту Достојевског. Без обзира на то што нема „идеалног“ превода романа, анализа различитих постојећих превода пружа добар увид у начине на које су преводници разумевали унутрашње корелације између појмова економија, етика и еротика како на нивоу семантике, тако и на нивоу поетичке усклађености.

Кључне речи: Достојевски, *Записи из подземља*, француски превод, економија, етика, еротика.